

С. С. УВАРОВ В НАЧАЛЕ
НИКОЛАЕВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ:
Заметки к теме¹

МИХАИЛ ВЕЛИЖЕВ

1. В начале николаевского царствования в России происходят события, надолго определившие контур круга, с которым ассоциировал себя молодой Уваров. Восстание 14 декабря 1825 г. приводит к реконфигурации внутри группы интеллектуалов, которых принято ассоциировать с «арзамасским братством»: с одной стороны, многие из прежних арзамасцев оказываются среди осужденных (например, Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев или М. Ф. Орлов), с другой, привлечение Д. Н. Блудова к работе следственной комиссии по делу декабристов в качестве составителя и редактора итогового документа приводит к конфликту с ним братьев Тургеневых². Смерть 22 мая 1826 г. Н. М. Карамзина и последующая многолетняя дискуссия вокруг значения его фигуры для истории русской словесности, русской историографии и, шире, его общественной функции как придворного историка сыграли важную роль в формировании «пушкинского круга писателей»³. Наконец на рубеже

¹ Мы искренне благодарим А. Р. Курилкина и А. Л. Зорина за помощь при подготовке данной статьи.

² Сводку данных об отношении бывших арзамасцев к Блудову как сотруднику Следственной комиссии по делу декабристов см.: [Курилкин: 674–675].

³ См.: [Вацуро 1986; Киселева]. Сводку данных об отношении к Карамзину Уварова и других арзамасцев в 1810-е гг. см.: [Виттекер: 64–65; Майофис 2008: 336–347]. Очевидно, вопрос об отношении к Блудову для бр. Тургеневых, Жуковского и др. располагался рядом с проблемой посмертной «защиты» Карамзина: Блудов прямо ссылался на образ Карамзина как на модель для соб-

1820-х и 1830-х гг. происходит, пользуясь выражением М. И. Гиллельсона, «филиация русофильских и западных идей» [Гиллельсон 1977: 60], импульсом к которой стала новая внешнеполитическая ситуация, связанная с польским восстанием и новым имиджем России в Европе.

Какое отношение к этим фундаментальным процессам имел Уваров? Удовлетворительного ответа на этот вопрос историография пока не дала: деятельность будущего министра в 1825–1832 гг. остается белым пятном в его биографии (хотя, разумеется, воззрения Уварова на декабристов и Карамзина в министерский период его деятельности нам хорошо известны). Мы знаем, что Уваров продолжал выполнять функции президента Академии наук (в частности, в конце 1829 г. принимал в Петербурге А. фон Гумбольдта), а также участвовал в работе (но не определял общего направления) Комитета устройства учебных заведений (с мая 1826 г.)⁴. И та, и другая деятельность не кажется существенной в свете дальнейших карьерных траекторий Уварова, поэтому традиционно «николаевская» часть его биографии начинается с 1832 г., когда, назначенный товарищем министра народного просвещения, он отправился ревизовать Московский учебный округ, отчет по которому дал повод императору назначить Уварова главой министерства.

Тем не менее, при изучении материалов уваровского архива в ОПИ ГИМ открылось, что источников по истории деятельности Уварова в 1825–1832 гг. довольно много. В частности, они позволяют наметить ответы на заявленный прежде вопрос: каково было отношение Уварова к проблемам, волновавшим прежних друзей по «Арзамасу» в связи с восстанием 14 декабря 1825 г. и посмертной репутацией Карамзина.

2. Напомним, прежде всего, как развивалась карьера Уварова в 1820-е гг. 19 июня 1821 г. император Александр I в ре-

ственного служебного поведения (см., например: [Лотман 1998: 347–348; Долгих: 126]).

⁴ [Петров: 62; Виттекер: 166–167, 209–214; Шевченко 2003: 67; Шевченко 2008: 303–318; Иванов 2000: 188–192]. См. также новейшее исследование: [Парсамов, Удалов].

зультате сложной интриги отправил Уварова в отставку с должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с оставлением его на посту президента Академии наук. 28 июля 1822 г. Уваров был назначен директором Департамента мануфактур и внутренней торговли, а 10 августа 1823 г. утвержден управляющим государственными заемными и коммерческими банками⁵. Однако уже в ноябре 1824 г. будущий министр по собственному прошению был уволен от должности директора Департамента мануфактур и внутренней торговли, с оставлением членом Совета министерства финансов. Таким образом, к концу александровского царствования Уваров, крупный чиновник в 1810-е гг., фактически не имел никакого значимого занятия в сфере государственного управления.

Правление императора Николая, согласно послужному списку Уварова 1850 г., в целом началось для него не самым успешным с точки зрения карьерного роста образом: если в 1826 г. Уваров стал сенатором, то следующего серьезного назначения пришлось ждать целых пять лет — 21 апреля 1832 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения с оставлением должности президента Академии наук⁶. Таким

⁵ 13 июня 1824 г. Уваров получил чин тайного советника. В ноябре 1824 г. Уваров участвовал в ликвидации последствий петербургского наводнения: 14 числа этого месяца он был назначен первым членом Комитета 3-й Адмиралтейской части о пособии потерпевшим от наводнения.

⁶ Начало нового царствования было ознаменовано награждением Уварова орденом св. Анны 1-й степени (21 апреля 1826 г.). В августе и сентябре того же года он был уволен от должности управляющего банками и перестал быть членом комитета о пособии потерпевшим от наводнения 1824 г. (прекратилась деятельность комитета в целом). При этом император повелел Уварову присутствовать в Правительствующем Сенате — в первом отделении петербургского 5-го департамента (назначение состоялось 12 сентября 1826 г.). 13 декабря 1827 г. Уваров был награжден «за ревностную службу по званию Президента Академии Наук» алмазными знаками ордена св. Анны 1-й степени, а 22 августа 1828 г. — получил знак отличия за двадцатилетнюю беспороч-

образом, достижения Уварова в 1825–1832 гг.⁷ выглядят более чем скромно — в сравнении, скажем, со служебными успехами его друзей по Арзамасу — Блудова, Дашкова или Жуковского, которые уже в начале николаевского царствования получили крупные министерские или придворные назначения.

Ощущение не востребованности Уварова еще более усилится, если мы обратимся к хронологии его отпусков во второй половине 1820-х гг. Выясняется, что почти два с половиной года — с середины 1828 по 1831 г. Уваров отсутствовал в Петербурге, живя и путешествуя между собственными имениями (с короткими пребываниями в столице для мероприятий по Академии наук)⁸. Лишь в 1831 г. Уваров вернулся к административной деятельности в Петербурге. Нельзя сказать, чтобы в 1826–1828 гг. он не пытался обрести доверие государя: так, в конце 1826 г. Уваров подготовил программную речь по случаю столетнего юбилея Академии наук, в 1826–1828 гг. написал, а затем и издал в Париже книгу некрологов ушедшим из

ную службу. 19 июня 1831 г. Уваров стал попечителем 1-й Адмиралтейской части по принятию мер против холеры в Петербурге: за это 13 сентября 1831 г. Уваров был награжден знаками ордена св. Анны 1-й степени «с Императорскою короною».

⁷ См.: Послужной список С. С. Уварова 1850 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 75–76.

⁸ 31 августа Уваров попросил у Николая отпустить его в отпуск с 25 ноября 1828 г. на шесть месяцев, который затем (решением от 19 октября 1828 г.) был продлен до 25 сентября 1829 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 193 (согласно копии письма в Сенат управляющего министерством юстиции А. Долгорукова). 20 октября 1828 г. Уваров был оповещен о согласии государя и вскоре отбыл в свои имения (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 64), вернувшись затем в конце 1829 г. в Петербург. Отпуск продолжился и в 1830 г.: Николай одобрил просьбу Уварову и подписал соответствующий указ соответственно 6 и 28 марта 1830 г. (отпуск действовал с 19 марта по 1 декабря 1830 г.) (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 3 (письмо к Уварову кн. К. А. Ливена от 6 марта 1830 г.); ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 36–36 об.).

жизни членам императорской фамилии⁹. Мотивы длительной серии отпусков до конца неясны: очевидно лишь, что во второй половине 1828 г. Уваров, так и не добившись серьезного назначения, уехал из Петербурга, вступив с этого момента в активную переписку с А. Х. Бенкендорфом. Цель корреспонденции — довести до сведения Николая I целый ряд остающихся по сей день неизданными¹⁰ франкоязычных сочинений, посвященных самым разнообразным проблемам современной Уварову российской действительности¹¹.

Вот что Уваров писал об этом периоде своей жизни в автобиографии 1852 г.:

...я мало-помалу отделился от двора и, находясь вне Петербурга, посвятил 5 или 6 первых лет николаевского царствования изучению нашей, столь мало познанной страны... По собственной склонности я проводил большую часть года то в уединении в Поречье... то в полезных путешествиях вглубь России... 5 или 6 лет, которые я провел таким образом, снабдили меня, смею сказать, точными и глубокими сведениями о моей стране, которые иначе я никогда бы не смог приобрести. Именно это изучение неожиданно вернуло меня к личным и прямым отношениям с императором Николаем¹².

⁹ Maison Impériale de Russie. À la Mémoire de l'Empereur Alexandre. À la mémoire de l'Impératrice Élisabeth. Le neuf Janvier. À la mémoire de la Reine de Wurtemberg. Paris: De l'Imprimerie de Firmin Didot, 1828.

¹⁰ За исключением опубликованной М. М. Шевченко франкоязычной «Записки о крепостном праве в России»: [Шевченко 2006].

¹¹ О них см.: [Петров: 182–187; Шевченко 2006: 163; Велижев]. См. также: [Дурдыева].

¹² Уваров С. С. Essai d'autobiographie (juin 1852) // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 17 об.–18. "...je me retirai peu à peu de la cour et je consacrai les cinq ou six premières années du règne de l'Empereur Nicolas à étudier <зачеркнуто: loin> hors de Pétersbourg notre pays si peu connu... Passant par goût une grande partie de l'année, soit dans ma retraite de Poretch... soit dans des voyages d'étude et d'observation dans l'intérieur du pays... Les cinq ou six années que je passais de cette manière me fournirent, j'ose le dire, une

Одним из итогов уваровского «изучения» России стал трехтомный, так и не доведенный до конца, созданный в 1828–1829 гг. труд “*Études sur la Russie en XIX siècle*”.

Уваров планировал опубликовать «Этюды» во Франции в качестве реплики на «антирусские» выступления европейских публицистов (от Ж. Шаппа д’Отроша до Ж.-А.-Ф. Ансело и Р. Лайелла), как он сам писал в предисловии к своему сочинению [Уваров: Л. 2]. Размышляя над вероятной авторской стратегией, Уваров замечал в черновике письма к Николаю I от 1829 г., что считал разумным защищать Россию исходя из европейского контекста, скрывшись за выдуманным персонажем — французом, долгое время жившим в России¹³. Этот типаж во многом был близок и понятен Уварову в силу его воспитания в пансионе эмигранта аббата Мангена. Уваров писал в «Автобиографии»: «Поколение, к которому я принадлежу, в гораздо большей степени знакомо с французским языком, историей и традициями, чем поколения последующие»¹⁴.

Закончив «Этюды», Уваров, вероятно, переслал их А. Х. Бенкендорфу для представления императору. Таким образом, текст имел сложную систему адресатов. Формально «Этюды» были якобы созданы французским эмигрантом в России и предназначались для французской и, шире, европейской публики. Одновременно текст можно интерпретировать как реак-

connaissance exacte et approfondie de mon pays, à laquelle, sans ce moyen, je n’aurais jamais pu atteindre. Ce fut encore cette étude qui me mit sans m’en douter en relations personnelles et directes avec l’Empereur Nicolas”.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 2–3 об. Схожей тактики — внушения собственных мыслей под маской французского писателя — Уваров будет придерживаться и позже, например, в деле об официальной реакции России на выход книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году»: [Мильчина, Осповат: 273–284].

¹⁴ Уваров С. С. *Essai d’autobiographie* (juin 1852) // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 9. “Il résulta de là que la génération à laquelle j’appartiens se trouva beaucoup plus familière avec la langue, l’histoire et les traditions françaises que ne l’ont été depuis les générations nouvelles”.

цию самого Уварова на французскую Россию 1770–1820-х гг. При всем том основным адресатом уваровского сочинения, несомненно, являлся Николай I. Функция «Этюдов» — лишь описать положение дел в России, однако так, чтобы предложения по реформированию разных отраслей управления, представляемые параллельно Уваровым императору в специальных записках, получили свое полное обоснование. Адресатом «Этюдов» был и Бенкендорф, посредничество которого должно было обеспечить хороший прием текстов Уварова у Николая.

3. Более подробный анализ «Этюдов о России в XIX в.» не входит сейчас в наши намерения: мы остановимся на восьмой главе третьего тома этого сочинения, озаглавленной «О русской литературе» — “*De la littérature russe*”¹⁵, имеющей прямое отношение к заявленной в нашей преамбуле проблеме. Концепция русской словесности, которую предлагал Уваров императору, отчасти сходствовала с положениями работ Уварова о литературе, опубликованных в 1818 г. в журнале “*Conservateur impartial*”¹⁶. В начале XIX в., замечал Уваров устами

¹⁵ Часть текста главы сохранилась в писарской копии (дата создания которой неизвестна), часть — в беловом автографе с незначительной авторской правкой.

¹⁶ Подробнее см.: [Шебунин: 41; Гиллельсон 1974: 97–100]. Вот что писал Уваров о русской литературе XVIII в. в «Этюдах о России в XIX в.». Современная Уварову русская литература возникла, по его мнению, к середине XVIII в. Первым из образцовых поэтов назван М. В. Ломоносов, «бедный рыбак, рожденный посреди льдов северного океана». Оценка роли Ломоносова в истории русской литературы положительна: по мнению Уварова, Ломоносов оставался значимой фигурой и в 1820-е гг. Иная судьба ожидала театральных авторов, ибо, согласно Уварову, ни один русский трагик или комедиограф не создал решительно ничего достойного упоминания. Особенно достается от Уварова одному из «рабских последователей французских образцов» (“*serviles copistes des modèles français*”) А. П. Сумарокову, чьи пьесы более не ставятся; в целом, негативно оценивается и роль В. А. Озерова, не сумевшего избавиться от пут французского театра. Успехи русских литераторов в лирической поэзии выглядят, с точки зрения Уварова, куда весомее: наследником Ломоносова был Г. Р. Дер-

изобретенного им французского автора, в русской литературе и, главным образом, поэзии, происходит переворот: возникла новая школа, отдалившаяся от французских образцов, дабы приблизиться к англичанам и немцам. Она способствовала очищению и совершенствованию поэтического языка, а ее основными представителями были Жуковский, Батюшков и Пушкин. Новое явление русской литературы, Пушкин соединил основные качества двух своих предшественников, превзойдя их по силе вдохновения. Уверяют, писал Уваров, что Пушкин пытался следовать за Байроном, однако так называемая «сатанинская школа» не сможет принести счастья никому,

жавин, в малой степени наделенный вкусом и малообразованный, но придавший поэзии возвышенный и оригинальный характер. Кроме того, отметим, что «современная» ему русская литература сравнивается Уваровым с немецкой, поскольку обе возникли в середине XVIII в. и сформировались в продуктивной полемике с французской словесностью. Русские литераторы почти всегда интерпретируются Уваровым через сравнение с французскими писателями, причем состоятельность первых оценивается именно как способность на равных соперничать с французскими образцами: Ломоносов — подлинный Малерб, Сумароков — ложный Корнель или Расин, но подлинный Кампистрон (или Ротру), Жуковский, Батюшков, Пушкин — последователи «озерной» школы, Пушкин — ложный Байрон, Батюшков — подлинный Тибулл, Дмитриев и Нелединский — подлинные легкие поэты XVIII в., Крылов — ложный Лафонтен, Шишков — подлинный «янсенист от литературы» и лишь Державин и Карамзин не находят своего «французского» соответствия. Особенно ярко подобная тенденция выражается в уподоблении истории России после татаро-монгольского нашествия европейскому раннему Средневековью. Русские летописи объявляются столь же бедными и сухими, что и летописи франков, вестготов и бургундов, а варварство первых русских князей приравнивается к варварству королей из династии Меровингов. В итоге, однако, Уваров фактически объявляет саму сравнительную схему устаревшей. Согласно Уварову, в России вот-вот начнется принципиально новый этап литературной эволюции, во главе которого встанет принцип «национальности» [Уваров: Л. 98 об.–102].

кроме своего единственного «Корифея», т.е. самого Байрона. Возможно, отмечал будущий министр, Пушкину суждено стать подлинно оригинальным поэтом, однако невозможно достичь этого, следуя за поэтическими доктринами иностранцев или еще менее с помощью туманной системы поэзии, лишенной всякого чувства веры и отечества [Уваров: Л. 99 об.–100 об.].

Дойдя до современной ему эпохи, Уваров нарушил хронологию и возвратился назад, отметив поэтов, писавших на рубеже XVIII и XIX вв.: легких стихотворцев — «любезного баснописца» Дмитриева и Нелединского, автора «прелестных песен», ставших народными. Следом за Дмитриевым и Нелединским Уваров упоминает «Илиаду» Гнедича и переходит к анализу репутации Крылова. Он подробно доказывает, что Крылова ни в коем случае нельзя считать «русским Лафонтеном» из-за существенной разницы в масштабах таланта [Там же: Л. 100 об.–101]. Далее Уваров перешел к прозе: решающая реформа прозаического языка была осуществлена Карамзиным.

Здесь угол зрения менялся: если прежде Уварова интересовала собственно словесность, то с этого момента его занимает уже репутация Карамзина, утвердившаяся «Историей государства Российского». Уваров вступил в полемику об исторических методах и значении «Истории», реагируя, прежде всего, на обвинение в тенденциозности в адрес Карамзина, якобы одобрявшего тиранию и самовластие. Уваров писал, что первые века русского государства не представляют никакого интереса и пользы для историка: «Ум, уставший от этой череды бедствий, завершившихся порабощением, привязывается к первым же признакам стремления к хоть какому-нибудь единству»¹⁷. Историк с легкостью усматривает в разделении политических сил в России первую причину ее порабощения: «обширному телу требуется душа, ее изнуренным силам — об-

¹⁷ “L’esprit fatigué de cette suite de désastres consommées par l’asservissement, s’attache aux premiers indices de tendance vers une unité quelconque” [Уваров: Л. 101 об.].

щий двигатель»¹⁸, эта идея приводит к мысли о необходимости сильной или даже абсолютной власти, с которой начинает связываться величие страны. Так, прояснял Уваров, Карамзин привязался «к абсолютной власти, как к единственному спасительному якорю, который остается России в ее великой буре»¹⁹. Уваров, разумеется, не отрицал роли самодержавия в истории России, однако считал ошибочным выводить его необходимость из политического разобщения первых веков русского государства.

Уваров признавал, что «История» Карамзина была составлена весьма архаичным образом: рассказ о нравах, обычаях, духе времени следовало не относить к концу каждого периода, а «вживлять» в само повествование, собственные впечатления историка должны быть исключены из текста. Тем не менее, главные качества, отличавшие Карамзина, — чистосердечие, совершенная искренность, горячая любовь к своей стране, четкость и полнота высказанного им мнения, благородная честность — легитимировали его как историка. Карамзин имел смелость отступить от своих доктрин перед лицом истины — обличая тиранию в царствование Ивана Грозного, объединившего Россию под жезлом абсолютной власти. Будучи, возможно, не всегда убедительным профессиональным историком, Карамзин был блестящим гражданином и безупречным человеком [Уваров: Л. 103–104].

Уваровский обзор нельзя назвать «свежим»: так, в собственном смысле современная литература представлена Пушкиным и Гнедичем (о котором, впрочем, Уваров почти ничего не пишет). О Жуковском сказано, что он «преодолен» Пушкиным: Жуковский оказывается связан с Батюшковым, в то время стихов уже не писавшим. Дмитриев основал свою поэтическую славу в прошлом. Нелединский, Державин, Ломоносов,

¹⁸ “...il faut une âme à ce vaste corps, un moteur commun à ces forces épuisées” [Уваров: Л. 102].

¹⁹ “...Karamsin s’attache au pouvoir absolu comme, à la seule ancre de salut qui restait à la Russie dans son grand naufrage” [Там же: Л. 102 об.–103].

Сумароков — это уже история литературы. Далее, театру и поэзии отведено чуть менее трети текста (театру — фактически один абзац), остальное — прозе, основным достижением которой названа «История государства Российского». При этом в «Истории» Карамзина Уварова более всего волнует проблема апологии политического деспотизма, функции историка, отличительные качества Карамзина как историографа и, шире, его общественная репутация, но никак не литературный стиль Карамзина.

Во многом подход Уварова к творчеству того или иного автора можно объяснить чисто литературными причинами. Так, он, по-видимому, сознательно ориентировался на тот круг текстов, которые могли быть известны его потенциальной публике по французским переводам — это случаи Пушкина и Крылова. О Крылове как «русском Лафонтене» писал в восьмом письме «Шести месяцев в России» Ансело [Ансело: 121], с которым Уваров предполагал спорить. Особое внимание, уделенное опровержению формулы «Крылов — русский Лафонтен» и скрытому противопоставлению Дмитриева и Крылова, возможно, было мотивировано проблематикой, актуальной для круга Карамзина в 1820-е гг. Апологию Карамзина-историка, несомненно, можно рассматривать как высказывание в полемике вокруг «Истории государства Российского», начатой И. Лелевелем в первой половине 1820-х гг. и продолжавшейся в русской печати и в 1829 г.

Если сравнить «О русской литературе» Уварова, скажем, со статьей И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года», то выяснится любопытная деталь: хотя Уваров и не упомянул о многих известных русских литераторах, в частности Веневитинове, Вяземском, Баратынском, Грибоедове и др., но в целом уваровская выборка вполне сопоставима с соответствующим реестром в сочинении Киреевского. Отвечая на гипотетический вопрос европейца о ярких явлениях русской литературы, Киреевский называл «Историю государства Российского», оды Державина, стихотворения Жуковского и Пушкина, басни Крылова и комедии Фонвизина и Грибоедова [Киреевский: 80]. Однако есть одно обстоятельство,

которое чрезвычайно сложно объяснить лишь исходя из литературного контекста, — центральное место в статье Уварова карамзинской репутации.

4. Как известно, Уваров не принимал значимого участия в «борьбе за Карамзина» во второй половине 1820-х гг. Историки русской литературы фиксируют влияние идей Карамзина на Уварова (как «раннего»²⁰, так и «позднего»²¹), однако личные отношения Уварова и Карамзина нельзя было назвать близкими. В начале 1810-х гг. они обменивались письмами [Гиллельсон 1969: 351–354], виделись в Петербурге в 1816 г. [Карамзин: 146] и, вероятно, позже; тем не менее когда новый император Николай I обратился к Карамзину за советом в поисках активных молодых сотрудников, то историограф порекомендовал ему Блудова и Д. В. Дашкова²², а П. А. Вяземский в 1827 г., рассуждая в письме к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому о необходимости писать и печатать воспоминания о Карамзине, утверждал, что более всего могли рассказать о нем Блудов, Дашков, Жуковский и А. И. Тургенев, а вовсе не Уваров²³. Как отмечает Е. О. Ларионова, для А. И. Тургенева (эту

²⁰ См.: [Шебунин: 38–39; Майофис 2008: 439–440].

²¹ См.: [Живов; Майофис 2009: 171–173; Иванов 2001: 94].

²² [Ковалевский: 169]. Подробнее см.: [Гузаиров: 19–21]. Согласно версии М. Л. Майофис, Блудов «успел обсудить с рекомендовавшим его Николаю I Карамзиным» «содержательные аспекты» «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов [Майофис 2008: 356].

²³ Письмо от 6 января 1827 г.: «Но ты, Жуковский, Блудов и Дашков должны-бы непременно положить несколько цветков на гроб его. Вы более всех знали его, более моего, ибо с той поры, как я начал мыслить, мы жили с ним розно» [АБТ: 54]. Стоит упомянуть, что Уваров, подобно Блудову и Дашкову, принимал участие в разработке нового цензурного устава 1828 г. [Шевченко 2003: 67], что имело непосредственное отношение к Карамзину: согласно уставу 1826 г., его «История» оказывалась под цензурным запретом. См. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 29 сентября 1826 г.: «В уставе сказано, что История не должна заключать в себе умствований историка, а быть голым рассказом событий. Рассказывают, что Государь, чи-

характеристику, как представляется, можно распространить и на других близких к Карамзину людей) «ни “История”, ни любое другое произведение Карамзина не существовали сами по себе; они всегда рассматривались сквозь призму человеческой личности их создателя и с этой личностью в первую очередь и соотносились» [Ларионова: 135]. Уварову подобный угол зрения был несвойственен, он смотрел на Карамзина более отстраненно, что позволило ему интерпретировать репутацию покойного историографа в своих интересах.

Как следует из финала «О русской литературе» Уварова, достижения в области словесности оказывались в его глазах функциональными только в их идеологическом выражении. Так, «изъяны» пушкинского творчества Уваров мотивировал нехваткой религиозного и национального чувства. На этом фоне получает дополнительное объяснение то негодование, которое испытывал Уваров в первой половине 1830-х гг. в отношении «несговорчивого» Пушкина [Черейский: 452–454] (как следует из статьи «О русской литературе», Уваров всерьез «ставил» на Пушкина как на поэта, способного реализовать его идеологическую программу, а ода «Клеветникам России», появившаяся позже создания «О русской литературе» и переведенная на французский язык Уваровым, могла лишь укрепить последнего в его надеждах). Одновременно ключевой фигурой для Уварова оказывался «честный» и «благородный» Карамзин, который был способен предпочесть истину своим убеждениям, не отказываясь при этом от «генеральной линии» — признания сильной единой монаршей власти залогом процветания России.

Эти тезисы возможно интерпретировать только тогда, когда мы поместим их в контекст «Этюд о России в XIX в.» и, шире, писем и записок, отправлявшихся Бенкендорфу для

тая устав в рукописи, сделал под эту статью вопрос: «в силу этого должно-ли было-бы пропустить историю Карамзина? Ответьте просто: *да* или *нет*». Они отвечали: *нет!* Государь приписал тут: *вздор*; но, между тем, вздор этот остался, и быть по нему» [АБТ: 40].

представления Николаю начиная с декабря 1828 г. Основная идея, скрепляющая эти записки, — необходимость масштабной ревизии существующего в России порядка, реформирования культурной, политической и экономической жизни страны. Уваров писал, что внутреннее устройство России отличает анархия в административных формах и крайне неудачный выбор местных чиновников. Особенно бедственным Уваров находил конфликт интересов между военными генерал-губернаторами, гражданскими губернаторами и предводителями дворянства. Сферы деятельности министерств взаимопроницаемы, что приводит к чрезмерной сложности, неадекватной единому объекту управления. От Уварова изрядно доставалось и местной судебной системе, которую он обвинял в произволе и присвоении функций высшей власти. С его точки зрения, парализованным оказывался и механизм рекрутских наборов, торговля и промышленность почти зачали, банковская система не развивалась. Все указанные обстоятельства, отмечал Уваров, приводят к тому, что умы в России находятся в постоянном брожении, требующем решительного правительственного вмешательства²⁴.

Уваров сознательно избрал позицию обличителя существующих в России порядков. Как представляется, в этом контексте репутация Карамзина обладала для Уварова огромной легитимирующей ценностью: в записках к Николаю критиковал сложившуюся в России политико-экономическую систему, при всем том не подвергая ни малейшему сомнению ее общий самодержавный контур. Уваров апеллировал к образу Карамзина — умевшего высказать нелицеприятное суждение Александру I, «любя» его, вхожего в придворные круги, но при этом и дистанцированного от них, бежавшего придворных интриг «честного», «порядочного» человека (кроме того, Уваров, вероятно, знал, что Александр I несколько раз предлагал Карамзину пост министра народного просвещения²⁵). Сама идея

²⁴ См.: Уваров С. С. *Plan général* // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45 (Записки С. С. Уварова к Николаю I). Л. 4–6.

²⁵ См., например: [Вяземский: 270].

сопоставления Уварова с Карамзиным у самого Карамзина вряд ли бы вызвала сочувствие: Уваров всеми силами стремился вернуться в правящую элиту, будучи на время из нее исключенным, «ставил» на определенную («немецкую») партию при дворе и, в целом, никогда не был чужд инструмента придворной интриги. Однако в статье «О русской литературе» он сознательно проецировал на себя репутацию Карамзина, которая, как ему, по-видимому, казалось, позволит императору «правильно» интерпретировать уваровскую критику (при этом, вероятно, Уваров не знал об отрицательной реакции Николая на девятый том карамзинской «Истории»²⁶ или негативном отношении к историографу великого князя Константина Павловича²⁷). Характерно, что как только Уваров стал министром, образ Карамзина потерял для него всякое значение — в 1836–1837 гг. он активно препятствовал публикации писем историографа и «Записки о древней и новой России», текста, в наибольшей степени отражавшего политическую независимость Карамзина [Вацура 1986: 107–112]. «О русской литературе» Уварова, таким образом, можно рассматривать как опыт «освоения» карамзинской репутации во второй половине 1820-х гг., когда литераторы и публицисты самых разных направлений начали активно интерпретировать и примеривать на себя одну из самых влиятельных моделей культурного поведения в первой половине XIX в.

5. Как уже было сказано, литературе Уваров отводит важную (иначе о ней не следовало бы и писать), но сугубо функциональную роль. Нет ли здесь противоречия с на тот момент еще актуальной, до-министерской репутацией Уварова как деятельного члена Арзамаса, литературного критика, знатока античности, вообще человека, живо интересовавшегося не

²⁶ [Лорер: 60]; подробнее см.: [Лотман 1992 I: 221–223].

²⁷ См. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 29 сентября 1826 г.: «Слышно даже, что восстает гроза против истории Карамзина. Цесаревич почитает ее вредною книгою, а Карамзина лукавым питомцем Мартинистов. В первый раз прочел он ее в Эмсе и там надумался о ней и о нем» [АБТ: 40].

только идеологическими сторонами словесности? Для того чтобы понять, как Уваров смотрел на литературу в целом, необходимо принять в расчет еще одну перспективу. Как показывают материалы уваровского архива, он сам был весьма плодовитым русским литератором, писавшим на французском языке. Уварову принадлежат более 100 стихотворений, несколько прозаических новелл и одноактная комедия (см.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 123–128). Большая часть этих произведений написана в 1800-е гг. в период пребывания Уварова в Вене, однако он продолжал писать стихи и позже — в 1810-е гг., в конце 1820-х гг. и 1830-х гг., в начале 1850-х гг., целый цикл стихов относится к 1843 г. и посвящен поездке в Италию. Из своих литературных сочинений Уваров ничего не публиковал (за исключением цикла надгробных речей членам русской императорской семьи, вышедших в Париже в 1828 г., и одной элегии 1810 г., отпечатанной отдельным оттиском в типографии Плюшара²⁸). Кроме того, известен один рукописный сборник стихов Уварова, переданный им императрице Елизавете Алексеевне, а после ее смерти в 1826 г., “*recettes de Kotchoubey*” (возможно, княгине Марии Васильевне Кочубей, жене В. П. Кочубея, урожденной Васильчиковой, умершей в 1844 г.), затем вновь вернувшийся к Уварову (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 125). Совершенно очевидно, что Уваров придавал этому сборнику большое значение²⁹.

²⁸ О ней см. письма А. И. Тургенева к бр. А. Я. и К. Я. Булгаковым от июля–августа 1810 г.: [Тургенев 1939: 105, 107, 109]. Печатный экземпляр этой элегии отложился в архиве Уварова: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 16–17 об.

²⁹ Стихи Уварова находили как своих почитателей, так и критиков. Так, А. И. Тургенев спрашивал К. Я. Булгакова в письме от 27 июля 1810 г.: «Что говорит о его стихах Дмитрий Ник.? — Скажи ему, чтобы он хоть твоей рукой написал мне свое мнение о Уварова стихах. <...> Скажи Блудову, что здесь теперь Александр Воейков и также восхищается Уварова стихами» [Тургенев 1939: 107]. См. также ироническую реплику Н. И. Тургенева в письме к брату Сергею от 4/16 июня 1816 г.: «В Геттинген он <А. И. Тургенев. — М. В.> однажды писал ко мне, что Уваров

Мы считаем, что о механизме сосуществования двух взглядов на литературу дает определенное представление запись, сделанная Уваровым на отдельном листе бумаги 12 июля 1826 г. (на французском языке). Там, в частности, говорилось:

Всякому думающему человеку необходимо провести разделительную линию между его публичной и частной жизнью. Он должен выделить первую, пунктуально выполняя все, что она требует... и жертвуя ей всем, что не стоит слишком близко к душевной жизни человека. Одновременно он может и должен сам господствовать над второй. <...> Польза или действительность возникают только тогда, когда две части существования строго отделены. Если частная жизнь так или иначе входит в жизнь публичную, она должна быть безжалостно принесена ей в жертву. В противном случае есть риск уронить свое достоинство и безвозвратно унижить себя...³⁰

Утилитарное отношение Уварова к литературе и собственное литературно-критическое творчество не вступали друг с другом в конфликт. Литература, как можно заключить из способа дистрибуции Уваровым собственных сочинений, принадлежала к «частной», интимной сфере жизни человека (отсюда, кстати, нелюбовь позднего Уварова к литературным полемикам). Каждое социо-языковое пространство требовало своего языка и тематики: поэтому Уваров, будучи «французским» салонным литератором, развивал идею национального языка

сочиняет нем[ецкие] стихи не хуже Шиллера!! и французские не хуже, во многих местах даже лучше Делиля!» [Тургенев 1936: 182].

³⁰ “Il est nécessaire pour tout homme pensant de tracer une ligne de démarcation entre sa vie publique & sa vie privée. Autant il doit mettre de prix à rehausser la première, en remplissant ponctuellement tout ce qu’elle exige... & en y sacrifiant tout ce qui n’appartient pas de trop près à son âme, autant il peut il doit se réserver à lui seul l’entière domination de la seconde. <...> mais c’est qu’il n’est utile, qu’il n’est valable que lorsqu’on sépare absolument les deux parties de l’existence; dès que la vie privée entre d’une façon ou d’autre dans la vie publique elle doit lui être impitoyablement sacrifiée. Dans le cas contraire on court le risque de se dégrader & de s’avilir sans retour...” (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 2).

как единственно возможного в печатной литературе. Публичная литература необходимо подчинялась идеологическим конвенциям, оказывалась чисто функциональным средством для «правильного» национального воспитания. Следы этих воззрений можно легко обнаружить в деятельности Уварова на посту министра народного просвещения.

6. Трудно сказать, что именно стало поводом к созданию записи от 12 июля 1826 г. Однако определенные умозаключения о контексте ее появления высказать можно. Как кажется, мысль о строгом разграничении типов поведения человека в публичном и частном пространстве и об унижении, которое ожидает того, кто отказывается это разделение проводить, могла быть связана с культурными механизмами, с помощью которых Уваров пытался осмыслить ключевое событие как этих дней, так и всего десятилетия — окончания следствия над декабристами. В период своего министерства Уваров резко негативно оценивал декабрьское восстание, однако свидетельства о его непосредственной реакции на события конца 1825–1826 г., насколько мы знаем, до сих пор известны не были.

Как кажется, возможны две интерпретации записи Уварова. Во-первых, это рефлексия над часто встречающейся в официальных документах трактовкой мятежа как выступления «безумных» и «развратных» честолюбцев, чьи персональные, частные амбиции стали причиной большого государственного зла и их личного падения. Во-вторых, можно предположить, что Уваров пытался найти объяснительную схему для собственного отношения к осужденным русским дворянам, некоторых из которых он знал лично (Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова). Разводя публичную и частную стороны жизни, он искал способ примирить два взгляда на декабристов: с точки зрения публичной жизни, они были несомненными государственными преступниками, не вызывавшими никакой жалости; с точки зрения частной жизни, они оставались представителями первых дворянских фамилий, пострадавших от столкновения с государством, и их судьба могла вызывать сочувствие. Однако частная жизнь человека должна была быть полностью принесена в жертву жизни публичной.

Неизбежно проблема публичного/приватного возвращала нас к репутации умершего 22 мая 1826 г. Карамзина: его поведение, подчеркнутая «приватность» в совокупности с «публичной» честностью³¹, способностью защищать истину даже перед царем, оставаясь при этом ему лояльным³², оказывалось своего рода альтернативным декабристскому путем — в глазах тех, кто не был согласен с существовавшими в России порядками. Уникальность Карамзина состояла еще и в том, что на протяжении своей жизни он радикально изменил свои представления о таких важнейших для образованных дворян понятиях, как «общечеловеческое», «национальное», «европейское», «русское», был литератором, журналистом (как показал Ю. М. Лотман, с отчетливым оппозиционным оттенком [Лотман 1998: 308–317]), а затем историографом и публицистом «консервативного» направления. В 1816 г. Н. И. Тургенев был

³¹ Об этом подробно писал Р. Уортман: «Карамзин старался изгнать политику из той сферы, где царили личная мораль и радости жизни. Но самому ему было нелегко преодолеть настоящую потребность участвовать в политической жизни страны. Более того, с течением времени эта потребность все возрастала и вдохновила его на создание крупнейшего труда — «Истории государства Российского». Чтобы оправдать это занятие и оградить сферы частной жизни, он создавал обособленную политическую сферу, управляемую принципами, совершенно отличными от тех, которыми руководствовалась жизнь личная. Вовне частного “кровя” жестокость и даже кровопролитие могли быть необходимы. <...> Карамзинское разграничение общественных и частных добродетелей служило образцом поведения для многих бюрократов, которые воспитывались под влиянием его произведений в последующие десятилетия» [Уортман: 235]. По мнению А. С. Немзера, «То государство, которое пытался (безуспешно) строить Николай I, то государство, идеологический каркас которого возводился по проектам Уварова, нуждалось в приватном благонамеренном человеке. Карамзина можно было без очевидных натяжек вписать в “уваровскую” идеологическую модель» [Зорин, Немзер, Проскурин: 798].

³² О сути подобных отношений между Карамзиным и Александром I см.: [Лотман 1992 II: 202–205].

убежден, что Карамзин — явный крепостник, «хам» [Тургенев 1936: 182], а в первой половине 1820-х уже одобрял его «Историю» [Там же: 256]³³. Уваров, подобно многим декабристам, отдавал должное 9-му тому «Истории», который в свое время на Н. И. Тургенева большого впечатления не произвел³⁴. Обращение Уварова к репутации «консерватора» Карамзина при обосновании необходимости радикальных реформ во вполне европейском духе, в очередной раз показывает, что объектом интенсивной рецепции после смерти Карамзина становится не только его политическая философия, но и та притягательная «ситуативная» позиция в структуре общественной жизни, которую занимал Карамзин.

ЛИТЕРАТУРА

- Ансело: *Ансело Ж.-А.-Ф.* Шесть месяцев в России / Пер. с фр. Н. М. Сперанской. М., 2001.
- АБТ: Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Т. 1. Пг., 1921.
- Вацуро 1986: *Вацуро В. Э.* «Подвиг честного человека» // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2. М., 1986.
- Вацуро 1997: *Вацуро В. Э.* К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.
- Велижев: *Велижев М. Б.* «Цивилизация» и «средний класс» // Новое литературное обозрение. 2010. № 104.
- Виттекер: *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1999.
- Вяземский: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
- Долгих: *Долгих Е. В.* Понятие монархии в восприятии николаевского сановника (Д. Н. Блудов) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.
- Гиллельсон 1969: *Гиллельсон М. И.* Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969.

³³ Ср. письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 2 апреля 1818 г.

³⁴ [Тургенев 1936: 349] (письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 17 июля 1821 г.). Подробнее см.: [Лотман 1998: 332–333; Вацуро 1997: 112–131].

- Гиллельсон 1974: *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.
- Гиллельсон 1977: *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.
- Гузаиров: *Гузаиров Т.* Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования / Дисс. на соиск. степени д-ра философии. Тарту, 2007.
- Дурдыева: *Дурдыева Л. М. С. С. Уваров и теория официальной народности* / Дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1996.
- Живов: *Живов В. М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91.
- Зорин, Немзер, Проскурин: Человек, который пережил конец света. Беседа за «круглым столом» «Независимой газеты» карамзинистов Андрея Зорина, Андрея Немзера и Олега Проскурина // Карамзин: pro et contra. СПб., 2006.
- Иванов 2000: *Иванов О.* Государственная деятельность С. С. Уварова // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. Воронеж, 2000.
- Иванов 2001: *Иванов О. А.* Идеология «Православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001.
- Карамзин: Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862.
- Киреевский: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1998.
- Киселева: *Киселева Л. Н.* Карамзинисты — творцы официальной идеологии (заметка о российском гимне) // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998.
- Ковалевский: *Ковалевский Ег.* Граф Блудов и его время. (Царствование императора Александра I-го). СПб., 1866.
- Курилкин: *Курилкин А. Р.* Комментарий // Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001.
- Ларионова: *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.
- Лорер: *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.
- Лотман 1992 I: *Лотман Ю. М.* Колумб русской истории // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. II: Статьи по истории русской литературы XVIII – начала XIX века. Таллинн, 1992.
- Лотман 1992 II: *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избран-

- ные статьи. Т. II: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992.
- Лотман 1998: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1998.
- Майофис 2008: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.
- Майофис 2009: *Майофис М. Л.* Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.
- Мильчина, Осповат: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С. С. Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. № 13.
- Парсамов, Удалов: *Парсамов В. С., Удалов С. В.* Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010.
- Петров: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 г. М., 2003.
- Тургенев 1936: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.
- Тургенев 1939: Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939.
- Уваров: *Уваров С. С.* De la littérature russe // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 104.
- Уортман: *Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авторизованный пер. с англ. М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севостьянова. М., 2004.
- Черейский: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2. Л., 1989.
- Шебунин: *Шебунин А. Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.
- Шевченко 2003: *Шевченко М. М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
- Шевченко 2006: *Шевченко М. М.* Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831) // Русский сборник. Т. II. М., 2006.
- Шевченко 2008: *Шевченко М. М.* С. С. Уваров в борьбе за новый курс внутренней политики России в 1826–1832 гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.